

УДК 1 (091)

Проблема оснований человеческой природы и нравственной личности в философии И. Канта и русской философии второй половины XIX века

О.Д. Мачкарин

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. Автор предлагает анализ этических идей в наследии И. Канта, а также их восприятие в русской философии второй половины XIX века. Особое внимание уделяется проблеме свободы и необходимости, источникам нравственности и категорических императивов, природной "социальности" личности. В предлагаемой статье раскрывается проблема нравственной личности в философском наследии Л. Толстого, В. Соловьева, Ф. Достоевского и других.

Abstract. The paper analyzes ethic ideas in heritage of I. Kant and their perception in the Russian philosophy of the second half of the XIX century. The special attention has been paid to the problem of freedom and necessity, resources of morality and categorical imperatives, natural "sociality" of person. The paper considers the problem of moral person in philosophical heritage of L. Tolstoy, V. Solov'yov, F. Dostoevsky and some others.

Ключевые слова: немецкая критическая философия, русская философия, личность, социальность, нравственность, категорический и практический императивы, свобода и необходимость, долг и ответственность личности, социальные нормы и идеалы
Key words: German critical philosophy, Russian philosophy, person, sociality, morality, categorical and practical imperative, freedom and necessity, duty and responsibility of person, social regulations and ideals

1. Введение

Для многих русских философов немецкая критическая философия была если не базой собственных воззрений, то послужила основой конструктивного отталкивания от Канта, по крайней мере, как писал В.С. Соловьев – "мостиком, через который каждый должен пройти, кто намерен попасть в храм современной философии". Чем объяснить столь активный интерес русской философии, в основном ориентированной на приоритет родового, социального, к Канту и его идее индивидуализма, самоценности и самодостаточности личности? Этика Канта злободневна и возвышает наш дух, так как учит: даже перед лицом смерти человек должен устоять перед насилием, хотя это и очень трудно, сохранить свое человеческое лицо, не нарушить нравственного императива. Квинтэссенцией этики Канта является учение о том, что человек – существо не только природное, но и свободное, что найдет свое развитие в русской философии во второй половине XIX века, в период активного интереса к кантовской философии после призыва О. Либмана "Назад к Канту!".

2. Индивидуализм как основание личности в философии И. Канта

Необходимо отметить, что идея личности немецкого мыслителя отнюдь не противоречит идее "социальности", напротив, индивидуализм Канта ориентирован на личность, на уважение и доверие к ней и возможен лишь при непрременном исполнении требования: "пользоваться своим собственным разумом", руководствуясь непреложными принципами долга и ответственности перед человечеством в целях совершенствования человеческого рода. И сама личность у Канта предстает как носитель и создатель как социальных норм и идеалов, так и культурных ценностей. Быть человеком по Канту – значит чувствовать, мыслить, быть существом общественным, деятельным, свободным, быть личностью, в условиях правового государства быть гражданином, представителем всего человечества.

Именно в нравственности И. Кант видит источник обновления человека и общества. Человек активен, он творец собственного нравственного мира. Эту идею четко отметил у Канта еще Шеллинг в своей работе "Иммануил Кант" (Шеллинг, 1987). Для Канта всякая человеческая личность – святыня, человек всегда высшая цель, он не должен быть средством. И это не зависит от того каковы моральные достоинства или недостатки человека, к какому сословию и вероисповеданию он принадлежит. Важно, чтобы человек стремился стать личностью, быть свободным и реализовать свое самосознание в поведении, руководствуясь долгом.

Любая нравственная деятельность должна иметь цель, и человек, как существо свободное, должен отвечать за все свои поступки. Кант испытывает уважение к личности, к ее человеческому достоинству, причем не просто к личности, а к личности нравственной, стремящейся исполнить общий долг, а не просто достичь личного, так сказать, эмпирического счастья. Постигая себя как явление

чувственного и умопостигаемого мира, по Канту, человек познает себя как умопостигаемый предмет, раскрывает глубину своих "внутренних, божественных задатков", которые вызывают в нем "священный трепет", выводя отсюда принцип долженствования.

Отвергая все концепции, от христианских учений, согласно которым человеческое поведение безоговорочно определяется божьей волей, до Спинозизма, утверждавшего, что человеческие поступки – есть поступки Бога, Кант отстаивает учение о человеческой свободе. Однако необходимо отметить и некоторое противоречие в философском учении Канта о свободе. Согласно Канту, человеческая воля абсолютно свободна (человек не подчинен с необходимостью ни природе, ни божьей воле), и, вместе с тем, человек абсолютно ответствен за свои поступки.

Необходимо отметить, что Кант отходит от ортодоксального учения, утверждавшего теологический порядок вещей: согласно мыслителю, Бог является творцом только "вещей в себе", но не явлений, т.е. он не является творцом природы с ее законами и, следовательно, пространства и времени: "если о существах в чувственно воспринимаемом мире я говорю: они сотворены, то я их рассматриваю в этом отношении как ноумены" (Кант, 1965с). Немецкий критик определяет обособленность пространства и времени от существования "вещей в себе", и вместе с тем, его концепция представляет собой своеобразный абсолютный детерминизм, что в конечном итоге может рассматриваться как сочетание свободы и предопределения (Кант, 2006).

Свобода, согласно Канту, – это борьба, "борьба с хотением", которой и противостоит долг. Долженствование, в понимании философа, есть признак внутренней свободы, а сама свобода – возможность выбора, т.е. достижение такого состояния, когда "природная причинность не может овладеть человеком" (Кант, 1965а).

Личность – высшая ценность, и абсолютная цель. Она есть то, в понимании Канта, что возвышает человека над самим собой, связывает его с порядком вещей, который может мыслить только рассудком и которому, вместе с тем, подчинен весь чувственно воспринимаемый мир. Счастье в том, что нам дала природа, а добродетель – то, что только "сам человек может дать себе или отнять от себя". Отсюда и понимание свободы как следование долгу, а формула долга, сформулированная немецким философом в "Метафизике нравов" – "Собственное совершенство и чужое счастье" (Кант, 1965b).

Своеобразие философско-антропологической концепции Канта заключается в том, что в его философии наполнилась содержанием традиционная идея "человек есть разумное животное" или "разумное природное существо". Кант подчеркивает своеобразие человека не столько в его разумности, сколько в способности к самосознанию: "То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он личность, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность, т.е. существо, по своему положению и достоинству совершенно отличное от вещей" (Кант, 1966).

Все поступки человека базируются на его свободной воле, поэтому Кант заявляет: "Автономия воли есть единственный принцип всех моральных законов и соответствующих им обязанностей" (Кант, 1965с). Великой истиной для Канта является то, что совершенно свободная человеческая воля укрепляет человеческое достоинство и вместе с тем порождает в личности мужество сознательно и безоговорочно ее принять, так как в основе своей воля предполагает ответственность личности за совершенные поступки. Воля актуально свободна, когда действует в соответствии с нравственным законом, но потенциально она свободна всегда, даже тогда когда уступает естественным чувственным наклонностям.

Человек не является рабом природы, его никто и никогда ни к чему не может принудить. Если он действует, то подчиняется только своим склонностям, что означает – воля сама санкционировала, определила эти действия, т.е. сама себе разрешила соответствующий поступок. С точки зрения Канта, человек сильнее собственной природы, поэтому независимо от удовольствий или неудовольствий, которые несет в себе действие, его нельзя заставить что-либо совершить против его воли. Необходимо подчеркнуть и то, что человек, согласно критику, независимо от обстоятельств, способен сохранить свое собственное достоинство, не потерять уважения к себе, что особенно актуально в настоящее время, когда попытки унижить человека приобрели циничный и массовый характер.

Жизнь ставит перед человеком различные цели, заставляет его решать те или иные задачи, для чего человек, руководствуясь своими потребностями, придумывает те или иные средства. Человеку присуще стремление жить лучше, для него желательно, чтобы поставленные цели были достигнуты. Субъективными критериями счастья являются удовольствия и переживания счастья, поэтому главным принципом человека Кант считает принцип счастья, который полностью соответствует природному закону – "закону причинности". Действительно, хотя понятие о счастье лежит в основе практического отношения объектов к способности желания, оно все же только "общая рубрика субъективных оснований определения" и ничего не определяет специфически. Вопрос в том, в чем именно каждый усматривает свое счастье? В зависимости от особого чувства удовольствия или неудовольствия в одном и том же субъекте это

состояние меняется и зависит от различия потребностей. Следовательно, как считает немецкий философ, "субъективно необходимый закон (как закон природы) объективно есть еще очень случайный практический принцип, который в различных субъектах может и должен быть очень различным и, значит, никогда не может быть законом: когда желают счастья, важна не форма законосообразности, а исключительно материя, а именно могу ли я и сколько я могу ожидать удовольствия, если буду следовать закону" (Кант, 1965с).

Жить в соответствии с принципом счастья – значит жить в соответствии с природой, но из этого кантовского утверждения не следует, что надо жить разумно. Согласно Канту, человек должен и может жить не по принципу себялюбия и личного счастья, а следуя законам практическим, которые разум формулирует в виде категорических императивов (безусловных и всеобщих предписаний, стоящих "выше" самой человеческой жизни). В чем же особенность "формулы" нравственности Канта? Отвечая на этот вопрос, необходимо подчеркнуть, что в отличие от своих современников критик утверждает, что нравственность не связана с чувствами, она целиком и полностью разумна. У Канта моральное чувство определяется как чувство уважения к уже установленному и не зависящему от него нравственному закону. Моральный закон – есть императив, который "повелевает категорически, так как закон безусловен; отношение такой воли к этому закону есть зависимость, под названием обязательности, которая означает принуждение к поступкам, хотя принуждение одним лишь разумом и его объективным законом, и которая называется поэтому долгом" (Кант, 1965с).

3. Сущность нравственности в философии И. Канта и Ф.М. Достоевского (сравнительный анализ)

Проблема сравнительного анализа концепции личности в немецкой и русской философии получила самые разнородные толкования, в чем можно убедиться, обращаясь к сравнительной характеристике понимания личности Иммануилом Кантом и Федором Михайловичем Достоевским. Это сравнение является предметом острых дискуссий, в частности, вокруг книги Я. Голосовкера (1963) "Достоевский и Кант". Вывод автора книги вызывает возражение ряда исследователей. Обратимся к сущности концепций, отраженных в книге, к пониманию природы личности. Опираясь на документированный факт интенсивной работы Достоевского над изучением кантовского трактата в период написания романа "Братья Карамазовы", Я. Голосовкер делает вывод о противостоянии немецкого философа и русского мыслителя по коренному вопросу концепции личности. Трудно допустить прямое влияние Канта на Достоевского, однако, нельзя и утверждать, как Я. Голосовкер, что между ними возник "смертельный поединок". Необходимо подчеркнуть, что сходство их огромно, особенно в самой постановке идеи свободной личности. В полном соответствии с И. Кантом, Достоевский писал: "...не только надо быть личностью, но именно надо стать личностью ... самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности".

Учение Канта о человеке, о природе личности, о сущности нравственности было глубоко осмыслено великими русскими писателями – Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Оно стимулировало их мысль. Русские мыслители развили и углубили его в соответствии со своими художественными и религиозными идеями, с традициями отечественной мысли. Сопоставление кантовской концепции личности и соответствующих идей Достоевского и Толстого позволяет глубже осознать внутренние, органические связи русской и немецкой мысли.

Можно согласиться с суждениями видного историка немецкой и русской философии А.В. Гулыги (1981), выразившим решительное несогласие с выводами Я. Голосовкера. Автор книги "Достоевский и Кант" предпринял попытку придать категориям кантовской гносеологии, в частности, его учению об антиномиях, как бы онтологический смысл, персонифицируя эти логические формы. Из них Я. Голосовкер вывел позицию одного из главных героев романа – Ивана Карамазова с его раздумьями и духовными противоречиями, с его "pro et contra". Более того, из антиномий, разьедающих личность, Ф.М. Достоевский вывел "отвратительный образ" Смердякова, вдохновителя преступления, "черта", цинизм которого ведет к отрицанию всего святого. Противоположность тезиса и антитезиса, которая мучает Ивана Карамазова, оказывается не просто теоретической, но и коренящейся в самом тезисе. Тезис выводится из антитезиса, утверждая веру в Бога и бессмертие души. Антитезис же утверждает "головное знание", науку, атеизм. В бездне "все противоречия живут вместе" (Голосовкер, 1963). Вот почему, по мнению Голосовкера, Кант (имя которого ни разу не упомянуто в романе) оказывается чертом. Именно, в "Критике", в мире "четырёхглавых горгон – антиномий" укрылся, по мнению Голосовкера, единственный виновник убийства Федора Павловича – "черт".

При всей изощренности и известной тонкости этого анализа, он все же представляется достаточно искусственным, натянутым. На деле отношение к кантовской концепции личности было совершенно другим, в высшей степени положительным. Многие идеи русских мыслителей (философов, поэтов, писателей, общественных деятелей) были созвучны идеям немецкого философа. Достоевский

совершенно четко противопоставил И. Канта Г.В.Ф. Гегелю именно по вопросу о месте личности в мире. Он решительно отверг многие исходные установки Гегеля, и прежде всего его афористическую формулу "все действительное разумно". Бессилие личности перед мировыми законами, перед необходимостью, предполагает оправдание подавления отдельного человека "высшими соображениями", "мировым разумом", что было абсолютно противоположно убеждениям самого Достоевского. Именно поэтому ему так близок духовно был Кант, с идеями которого о человеке, о личности он был знаком непосредственно, читая "Критику чистого разума" и любимого им Ф. Шиллера, горячего поклонника Канта.

Особенно Достоевского сближало с Кантом "иступленное чувство личности", способной пожертвовать собой ради всех. Эти суждения русского писателя чрезвычайно близки выводам Канта, содержащимся в "Критике практического разума". В литературе нет документальных свидетельств о чтении Достоевским именно этой книги (хотя есть свидетельства об изучении им "Критики чистого разума"). Но понимание идеи личности, ее нравственных оснований и у Канта, и у Достоевского имеют одну общую исходную основу – это Евангелие, Новый Завет, принципы христианской этики. Целесообразно подчеркнуть, что религия Христа для обоих мыслителей была воплощением высшего, нравственного идеала личности. Оба они критически относились к католицизму с его внешними формами, с его отступлениями от первоначального христианства.

Здесь можно заметить, что внутри этой общности проявлялись и различия – неортодоксальное восприятие религии. У Канта оно распространялось на протестантизм, у Достоевского – на официальное православие. Русский мыслитель значительно углубил эту критику официальной религии в своем гениальном философско-художественном произведении "Легенда о Великом Инквизиторе", являющимся частью "Братьев Карамазовых". Герой его – Инквизитор – упрекает Христа за его любовь к людям, доверие к ним. По его убеждению, есть лишь три силы, способные подавить совесть людей, подчинить их – это чудо, тайна и авторитет. Но Христос отвергает эти искушения дьявола. Вера не нуждается в обосновании, в доказательстве, в обещаниях и принуждении. Только внутреннее, не рассуждающее чувство, только любовь, говорит Достоевский, может служить основой нравственной личности. Это же утверждал Кант, отвергая логические доказательства бытия Бога. Хотя оба мыслителя во многом сходились в данном убеждении, однако между ними были известные различия в общем понимании связи религии и нравственности личности. Для Достоевского религия – это только формула нравственности, так как если отказаться от Бога, необходимо допустить, что все дозволено. Кант же считал именно мораль основой религии. Религия должна, по его мнению, заполнить разрыв между сущим и должным, дать личности надежду и, вместе в тем, примирить человека с царящим в мире злом.

И. Кант и Ф.М. Достоевский во лжи видят источник страха и унижения личности. В "Братьях Карамазовых", например, *Ф.М. Достоевский* (1972), исследуя проблему самоценности личности, приходит к двум социальным идеалам: Богочеловеку и Великому Инквизитору.

Сам подход к утверждению идеала полезности обществу, приемлемого для французских материалистов и радикальных демократов в России, вызвал резкую критику и у Канта, и у Достоевского. Они выступили против утилитаризма. Для Достоевского, например, не существовало сомнения в том, что высочайшее развитие личности заключается в том, чтобы человек нашел, осознал свое "Я", всю силу своей природы и отдал всего себя целиком обществу. Личность, поставленная перед чуждой ей мировой средой, вступает в противоречие с мировой гармонией, что как раз и стремился осветить Достоевский. Для него отдельный человек – это уже существо космическое, целый мир, которое нельзя мыслить в изоляции и насильно сделать его счастливым. Человеческая личность несет в себе образ Бога.

Неоспоримо влияние И. Канта на Ф.М. Достоевского и в формировании идеи антиномий, и в представлении о дуализме самого человека, воплощенного в образе Ивана Карамазова. Русский писатель также признает двойственность самого мира, в котором присутствуют одновременно свобода и необходимость, смерть и бессмертие, добро и зло. Достоевский выделил внутреннюю, противоречивую природу самого человека: человек для него не арифметика, а проблематичное и загадочное существо. Даже в красоте русский писатель отмечал противоречия. Он приветствовал лишь одно – ценность человеческой личности во всей своей сложности, со своей свободой совести, как критерием нравственности, со своим нравственным сознанием, не приемлющей отказ от свободы ни при каких условиях, какими бы заманчивыми они ни были.

Как и немецкий мыслитель, Достоевский убежден в том, что человек существует не для счастья, а для бесконечного совершенствования себя как личности, для которой предназначен путь страданий как единственный путь для личности, осознающей, что вся будущая жизнь зависит только от нее самой. Н. Бердяев высоко оценит вклад Достоевского: "Он сделал великие открытия о человеке и от него начинается новая эра во внутренней истории человека" (*Бердяев*, 1995).

4. Личность как "первое состояние" в творческом наследии Л.Н. Толстого

Кантовская концепция личности и нравственности во многом инициировала и размышления об этом другого русского философа-писателя – Л.Н. Толстого. Впервые он познакомился с идеями немецкого мыслителя еще в 50-х годах XIX века, в период работы над романом "Война и мир". Тогда Л.Н. Толстой увлекался философией А. Шопенгауэра, что и отразилось в этом его романе, а так же в "Анне Карениной". И. Кант воспринимался им через труды А. Шопенгауэра, который многое перенял у основоположника немецкой классической философии. Подлинное и непосредственное восприятие Канта Л.Н. Толстым совершилось уже в 1887 году и началось именно со знакомства с концепцией личности у немецкого мыслителя. В письме к Н. Страхову Толстой назвал работу "Критика практического разума" удивительной, являющейся венцом всех его размышлений. Л.Н. Толстой стал страстным популяризатором кантовской этики, его учения об основах нравственной личности. Он определил Канта, наряду с Буддой, Конфуцием, Сократом, Христом, Магометом, Ж.Ж. Руссо, Г. Сковородой, одним из основоположников истинно человеческой морали.

Русский писатель отстаивал индивидуальность и не допускал исчезновения личностного начала в обществе: "Коренное и особенное мое Я, ... мое основное Я ... то, нечто, состоящее в моем известном, исключительном отношении к миру, и есть мое настоящее и действительное Я" (Толстой, 1993). В каждом человеке развивается особое, ему одному свойственное отношение к миру – то, что проявляется в "животной личности" как подлинный и последний источник индивидуального своеобразия. Л. Толстой выделил в человеке два "Я", которые как бы борются друг с другом: одно говорит – "я хочу" удовлетворения своих потребностей и желаний, для этого нужен весь мир, другое – все живое стремится к удовлетворению своих желаний. По мере развития своего разумного состояния человек приходит к мысли, что благо, связанное с личностью, не подвиг, а необходимость. Личность же, в понимании философа, – "первое состояние", с которого начинается жизнь, как бы крайний предел жизни. Сама жизнь – это "движение от одного предела к другому" (от безучастия к жизни), направленное на удовлетворение потребностей своей личности к другому – к "полному отречению от своей личности", перенесение желания блага со своей личности на бесконечный мир (Толстой, 1993).

Человек, принадлежащий двум мирам (миру природы и миру общества), стремится к гармонии, но находит ее лишь в природе. Общество же поглощает личность, предписывая "любовь к ближнему", несет насилие, лишает личность свободы и независимости. Единственный путь человека, стремящегося к гармонии – это моральное совершенствование личности, воспитание в себе любви, посредством которой возможно преобразование общества, так как любовь порождает только любовь (Толстой, 1956b). В этом "служении ближнему", по мнению русского мыслителя, человек может найти свое собственное счастье.

Л.Н. Толстой различает "животную личность" и личность, живущую "разумным сознанием" или "сознанием жизни", причем "жизнь человеческая начинается только с проявления разумного сознания, – того самого, которое открывает человеку одновременно и свою жизнь, и в настоящем, и в прошедшем, и жизнь других личностей" (Толстой, 1993). Неразрывная связь жизни человеческой и сознания – принципиальный момент у Л.Н. Толстого. Жизнь, в которой отсутствует разумное сознание или сознание жизни, жизнь "животной личности" или феноменальная жизнь человека, по Толстому, неистинна и безнравственна: "Жизнь человека как личности, стремящаяся только к своему благу, среди бесконечного числа таких же личностей, уничтожающих друг друга и самих уничтожающихся, есть зло и бессмыслица, и жизнь истинная не может быть такою" (Толстой, 1993). Именно жизнь личности неразрывно связана у Толстого со страданием и в конечном счете – со смертью: "Человек видит, что он, его личность – то, в чем одном он чувствует жизнь, только и делает, что борется с тем, с чем нельзя бороться, – со всем миром; что он ищет наслаждений, которые дают только подобия блага и всегда кончаются страданиями, и хочет удержать жизнь, которую нельзя удержать. Человек видит, что он сам, сама его личность, – то, для чего одного он желает блага и жизни, – не может иметь ни блага, ни жизни". Жизнь личности каждым своим движением и дыханием неудержимо влечется к страданиям, к злу, к смерти, к уничтожению. Для Толстого принципиально неудовлетворительна и сопряжена со страданием только та форма жизни, которая связана с существованием личности: "Жизнь как личное существование отжита человечеством, и вернуться к ней нельзя" (Толстой, 1995).

Жизни человека, ограниченная рамками личности, в своей основе и в силу своего ограничения содержит в себе страдание. Страдание – болезненное ощущение, вызывающее деятельность, устраняющую это болезненное ощущение, и состояние наслаждения. Согласно Толстому, "жизнь животного и человека как животного (на уровне феноменального) не только не нарушается страданием, но и совершается только благодаря страданию". Страдания, следовательно, суть то, что движет жизнь, и потому есть то, что и должно быть. Только в рамках жизни личности (на уровне ноуменального), по Толстому, страдание имеет характер всеобщности и тотальности, но при этом выполняет важную положительную функцию: оно "движет жизнь" человека как "животного". У Толстого в его учении о

личности сознание жизни (жизни личности), избавление от страдания также связано с особым состоянием сознания. Толстой называет его "разумным сознанием" или "сознанием жизни".

В трактате "О жизни" Л.Н. Толстой исследует причины страдания и в конечном итоге приходит к выводу, что невозможность блага личного существования (по Канту – счастья) связана: с борьбой "ищущих личного блага" существ между собой – во-первых; во-вторых, с обманом наслаждения, приводящего к утрате самой жизни, к пресыщению и, следовательно, к страданиям, и, в-третьих, – смертью. Таким образом, можно утверждать, что, согласно Толстому, страдание присуще только определенному "низшему" слою человеческого бытия, связанному с жизнью "животной" (эмпирической) личности. Жизнь разумная, вся деятельность которой проявляется только в любви, исключает возможность всякого страдания. Условием этого и является у Толстого отказ от личности, или, говоря словами В.В. Зеньковского, "отвержение личности". Далее, развивая это положение, Толстой пишет: "«Отречение от личности невозможно», говорят обыкновенно люди. «Это противоестественно, говорят они, и потому невозможно». Да никто и не говорит об отречении от личности. Личность для разумного человека есть то же, что дыхание, кровообращение для животной личности". Личность для разумного человека есть такое же необходимое условие его жизни, как и "кровообращение – условие существования его животной личности". Отрицание "жизни личности" понимается Л.Н. Толстым как "естественное свойство", потому что для него "отречение от блага животной личности есть закон жизни человеческой".

Кантовская мысль, что зло есть всего лишь следствие слабости человеческой природы, была очень близка Толстому, ибо она делала проблематичной саму предметность зла. Не "злость", в основе которой лежит мотив "чистого", "сатанинского" зла, а слабость, т.е. неумение быть последовательным и принципиальным в своем поведении, – вот в чем Толстой "согласен" был видеть корень порочности и греховности человека. Вслед за И. Кантом и В. Соловьевым русский писатель пытается выявить корни зла, приходит к выводу, что зло есть продукт человеческого деяния, причем такого деяния, в основе которого лежит незнание истинной природы вещей, порожденное иллюзией собственного "Я". Вследствие этого "дурные" поступки, имеющие целью своекорыстный интерес и счастье на земле и ведущие к зависимости от рождения, возникают в результате ложного видения, вожделения и ненависти.

Моральное зло есть следствие неведения или неправильного понимания ценности и природы вещей. Зло у Толстого выступает и как самостоятельная, реальная сила, которую необходимо побороть и преодолеть, и как иллюзия, разрушение которой и создает ощущение радости и свободы. И вместе с тем радость приобретает высший смысл только тогда, когда речь идет о преодолении реальной, предметной силы зла. Сама иллюзия зла играет лишь своеобразную роль "божественной благодати", способствующей окончательному преодолению силы зла в человеке: для Бога зло действительно есть чистая иллюзия.

В работе "О жизни" Толстой рассматривает любовь как единственно возможный способ разрешения основного противоречия жизни, избавляющий человека от бессмысленной борьбы с другими за свое личное благо, от обмана наслаждений, от безрадостности и мучительности страданий и, наконец, от страха неминуемой смерти. Чувство любви ведет человека к тому, чтобы отдать свое существование на благо других людей, сделав ненужной борьбу с ними, наполнив пустоту животных наслаждений совершенной радостью самоотречения, облегчив и просветлив страдания, развеяв иллюзию смерти как величайшего зла. Толстой пытается определить природу любви как высшего блага жизни. Человек может обрести любовь только в результате разумного осознания жизни: разум указывает человеку один путь – любовь. Таким образом, для Толстого чувство любви есть проявление деятельности личности, подчиненной разумному сознанию. Такая деятельная любовь выражается, прежде всего, в "предпочтении других существ себе".

Главной тенденцией философии непротивления Толстого стал анализ основных противоречий жизни, выразившийся в своеобразном "сведении к абсурду" фактов современной действительности, выявлении всей ее неестественности, странности, неразумности и даже *безумия* насильственных форм жизни. В работах "Путь жизни" (1907), "Закон насилия и закон любви" (1908) получает свое окончательное оформление философия непротивления. Главная задача, которую пытается решить Толстой – доказательство того, что закон любви не может допускать никаких исключений в виде насилия. В конечном итоге Толстой приходит к полной абсолютизации основного принципа своего учения, рассматривая его как естественный и вечный закон человеческой жизни. "Исполнение в наше время высшего закона любви, исключаящего насилие, так же неизбежно для нас, как неизбежен для птиц закон перелета, витья гнезд" (Толстой, 1956а). В конечном итоге русский мыслитель приходит к определению учения о нравственности, имеющего в своей основе стремление к благу отдельной личности и потому определяющего все состояния, дающие наибольшее благо личности и указывающего средства приобретения этого блага. Благодаря своему сознанию человек способен сформировать в себе нравственную личность через самоотречение, свободу, смирение и покаяние. Тем самым Толстой соединяет нравственность с религией.

5. В.С. Соловьев о нравственности

На формирование взглядов В.С. Соловьева на проблему нравственной личности особое влияние оказали философские идеи И. Канта, однако оценки этого влияния в философской литературе крайне противоречивы, сформировались две крайние точки зрения. Одни авторы (Л.М. Лопатин, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, В.В. Зеньковский) преувеличивали влияние И. Канта на Соловьева и искали многочисленные точки соприкосновения. Крайним выражением такой позиции явились статьи А.И. Введенского – выдающегося представителя русского кантианства рубежа XIX-XX веков, "О мистицизме и критицизме в теории познания Вл. Соловьева" (*Введенский*, 1901). Введенский несколько искусственно сближает философию Соловьева с идеями Канта, выбирая для этого такие суждения русского философа, которые напоминают тексты Канта. Но была и другая позиция – в содержательной книге *А.Ф. Лосева* (1990) говорится о "дуалистической бездне", разделяющей обоих философов, о том, что "в истории философии, вероятно, еще не было столь противоположно мыслящих философов как Соловьев и Кант". Для таких суждений есть некоторые основания, тем не менее, их не следует абсолютизировать. Для Лосева главное проявление противоположности – различие субъективного идеализма Канта и объективного идеализма В. Соловьева. Это различие, безусловно, существует, одно нельзя отрицать – наличие непреходящего интереса Соловьева к Канту, несмотря на острые разногласия между ними. Полем философского диалога была именно проблема личности.

В.С. Соловьев с первых лет своей научной деятельности проявлял неизменный интерес к философии немецкого мыслителя. В процессе работы над магистерской диссертацией Соловьев переводит "Пролегомены" Канта (однако издана работа позже, только в 1889 г.), глубоко изучает его идеи наряду с другими немецкими философами, но при этом сохраняет собственные теоретические позиции. Причем, как писал сам В.С. Соловьев, чем внимательнее он читал Канта, тем больше с ним соглашался. Это подтверждает и *Е. Трубецкой* (1995): "Он вполне ясно отдает себе отчет – чем он обязан всем этим мыслителям. По тому самому его отношение к ним вполне свободное. Воспринимая от них те или другие отдельные элементы своей мысли, он более или менее ясно себя от них отграничивал".

Несколько критическое отношение к Канту было воспринято Соловьевым и от своего учителя – П.Д. Юркевича, утверждавшего, как свидетельствует Соловьев в своем очерке о Юркевиче, что "здравая" философия была только у И. Канта. И учитель, и ученик тяготели к живой, реальной человеческой жизни, а не к абстрактному субъекту. Подводя итоги анализу, следует подчеркнуть, что Кант во многом стимулировал интерес русского мыслителя к проблеме личности.

В философских воззрениях Соловьева наметилось два подхода к решению проблемы личности: концепция самоотрицания человеческой личности и доктрина самоутверждения человеческой личности. Для него не было сомнения в том, что человек, как сознательное существо, стоящее перед выбором, представляет собой безусловную внутреннюю форму добра, которое само по себе ничем не обусловлено.

Кант вводит в философию понятие абсолютного добра и при этом выводит принцип добра – чистоту, требующую от человека формально-безусловной или самозаконной воли, Соловьев идет дальше и предлагает второй принцип абсолютного добра – всеединство, полноту нравственных норм, определяющих поведение человека. Немецкий критик полагал, что человек может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону. В. Соловьев с ним не соглашается. Философ подчеркивал, что одного существа добра недостаточно, необходимо еще, чтобы личность обладала достаточной восприимчивостью к добру и, безусловно, обладала знанием о нем, тем более что "идея добра или блага присуща человеческому разуму" (*Соловьев*, 1990а). С одной стороны, человек живет как животное общей жизнью вселенной, но с другой, именно он (человек) способен оценить свое участие в мировом процессе. В основании этой оценки как раз и заложено понимание человеком добра и зла, которое становится мотивом его деятельности.

Необходимо подчеркнуть то, что через усвоение кантовской концепции личности В. Соловьев шел к собственному пониманию. Он разрушает учение о личности как о замкнутом бытии утверждением сверхличностной сферы, которой питается отдельный человек. Для него, как верно отметил *Е. Трубецкой*, познающий субъект ничто в отрыве от безусловной истины. То, что называется "душой – что мы называем нашим «Я» или нашей личностью, есть не замкнутый в себе и полный круг жизни, обладающий собственным содержанием, сущностью или смыслом своего бытия, а только носитель или подставка чего-то другого, высшего" (*Трубецкой*, 1995).

Кантовская личность не социальна и не исторична. Обращаем внимание и на то, что, ставя личность в соотношение с социальной средой, немецкий мыслитель придал ей характер эгоиста, который только печется о своем "Я", стремится обличить в себе зло, определить в себе истоки добра, своей волей направить усилия на самосовершенствование опять же себя самой. Тем самым Кант признал в обществе бесконечную важность любой личности в обществе и подчеркивал ее значимый характер как нравственного существа. В.С. Соловьев не только полагал человека, как и Кант, целью, но и побуждал

отстаивать это на деле. Тем более что и сами понятия "личность" и "общество" у Соловьева неразрывны как "лично-общественное". Соловьев понимал отношение личности и общества иначе, чем немецкий мыслитель: цель личности разоблачить вселенское зло и направить силы на совершенствование человека. Здесь философ рассуждает с позиции соборности русского сознания. Не "долг ради долга", а достижение высшего совершенства, а через него и высшего блага – вот цель человеческой личности. Мыслитель совмещает осознание долга с внутренней природной необходимостью, природной склонностью самого человека, что его больше сближает с Гегелем, усмотревшим как раз в этом положении уязвимое место кантовской концепции долга.

В понимании добра и зла Соловьев пошел дальше своего предшественника. Кант в основу своей концепции заложил идею о неспособности человеческого разума сделать мир добрым, но вместе с тем возможность победить зло через самовоспитание в самой личности. В.С. Соловьев в работах "Философские начала цельного знания", "Кризис западной философии", напротив, констатирует независимость от нашего разума существования добра. Анализируя кантовские императивы, Соловьев не только сохранил их в своей концепции личности, но и дополнил (Соловьев, 1990b).

Соловьев сохранил и кантовское понимание антиномий, но для него не свобода антиномична, а сам человек, так как именно он, в представлении философа, одновременно является и божеством, и ничтожеством, как существом природным, так и явлением. Философ различает в человеке внутреннюю и внешнюю свободу: свободу духовную и свободу над собственной природой. Для Соловьева, как и для Канта, овладение внутренней свободой, при условии соединения с высшей природой, трудное, но и самое необходимое. Необходимо отметить парадокс в понимании Соловьевым свободы: с одной стороны, свобода заложена в основе личности, как условие существования человека (работа "Оправдание добра"), но с другой, в работе "Три разговора" мыслитель определил свободу человека лишь от нравственности, так как выбор добра детерминирован "высшим, разумным началом". Человек должен "осознать добро" (Соловьев, 1990b). Личность, как существо духовное, подчеркнул философ, стремится к одному – к свободе, которую принимает и как истину, и как стремление утвердить себя в своей обособленности.

Кант развел понятия "лицо" и "личность": "лицо" – это конкретный индивид, обладающий сознанием. В понятие же "личность" немецкий философ вложил более глубокий смысл: быть личностью – значит быть свободным, реализовывать свое самосознание в поведении, где свобода – свойство личности, а нравственная свобода – необходимость следования долгу. Соловьеву ближе всего была концепция личности, воплощающей в себе идею Богочеловека через разрушение метафизического индивидуализма. Русский мыслитель, как и Кант, не отрицал индивидуализма, напротив, поднимая вопрос об эгоизме, философ разделил его на эгоизм национальный и эгоизм индивидуальный. В своих работах "Оправдание добра", "Три разговора", "Национальный вопрос в России" философ призвал жертвовать национальным эгоизмом ради индивидуальности, ради личностного развития. Истинная же индивидуальность – это "некоторый образ всеединства", включая и жизнь каждого народа в жизни человечества.

И вместе с тем, как уже было отмечено выше, в работе "Оправдание добра" Соловьев подчеркивал, что личность и общество нельзя резко противопоставить друг другу, поскольку: "...каждое единичное лицо есть только средоточие бесконечного множества взаимоотношений с другими, и отделять его от этих отношений – значит отнимать у него всякое действительное содержание жизни, превращать личность в пустую возможность существования" (Соловьев, 1990b). Личность самоценна, утверждал он, как и Кант, но при этом понимание личности дополнил обществом как ее внутренним восполнением. Для Соловьева: "...общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество" (Соловьев, 1990a).

Исследование сферы практического разума позволило И. Канту подчеркнуть конструктивную функцию разума. Главный предмет практического разума – свобода и ее осуществление, которая позволит человеку обрести твердую почву, воспитать в себе моральную личность, достичь поставленной цели. В.С. Соловьев высоко оценил вклад И. Канта в мировую философскую мысль: "Он утвердил безусловный примат практического разума или нравственной воли, как предваряющего условия должной действительности; он дал безукоризненные и окончательные формулы нравственного принципа и создал чистую, или формальную, этику как науку" (Соловьев, 2005).

6. Заключение

Представленный анализ нравственных идей в русской философии и наследии И. Канта показал, что проблема нравственности становится для России второй половины XIX века актуальной и получает дальнейшее развитие в XX веке, в философских трудах В.И. Введенского, С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и многих других. Отношение к этическому учению Канта, которое может показаться сугубо внутренним делом философии, было довольно точным барометром, фиксирующим не

только состояние культуры, назревающие и происходящие в ней изменения, но и характер более общих социально-исторических процессов. Не однажды в истории XIX и XX столетий на первый взгляд возвратное движение философской мысли "назад к Канту" было интегральной частью интеллектуальных поворотов, которые несли с собой глубинное обновление человеческого духа.

Литература

- Бердяев Н.А.** "Великий Инквизитор". Антихрист. Антология. М., Мысль, с.144, 1995.
- Введенский А.** О мистицизме и критицизме в теории познания Вл. Соловьева. *Вопросы философии и психологии*, № 1, Кн.56, с.2-35, 1901.
- Голосовкер Я.Э.** Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом "Братья Карамазовы" и трактатом Канта "Критика чистого разума". М., изд-во АН СССР, 102 с., 1963.
- Гулыга А.В.** Кант. М., Молодая гвардия, с.287-288, 1981.
- Достоевский Ф.М.** Братья Карамазовы. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., Наука, т.14, с.306, 1972.
- Кант И.** Антропология с прагматической точки зрения. Соч. В 6 т. М., Мысль, т.6, с.356, 1966.
- Кант И.** Критика практического разума. Там же, т.4, ч.1, с.339, 341, 350, 1965с.
- Кант И.** Критика чистого разума. М., Эксмо, с.65-89, 2006.
- Кант И.** Метафизика нравов. Соч. В 6 т. М., Мысль, т.4, ч.2, с.386-387, 1965б.
- Кант И.** О поговорке "может быть, это и верно в теории, но не годится для практики". 1793. Там же, т.4, ч.2, с.71-76, 1965а.
- Лосев А.Ф.** Владимир Соловьев и его время. М., Прогресс, с.187-191, 1990.
- Соловьев В.С.** Кант. В кн.: *Кант: pro et contra. Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков. СПб., РХГИ*, с.366, 2005.
- Соловьев В.С.** Оправдание добра. Соч. В 2 т. М., Мысль, т.1, с.180, 198, 202, 286, 1990а.
- Соловьев В.С.** Формальный принцип нравственности. Там же, т.1, с.574, 1990б.
- Толстой Л.Н.** Закон насилия и закон любви. Полн. собр. соч. В 90 т. М., изд-во Худ.лит., т.37, с.57, 218, 1956а.
- Толстой Л.Н.** О жизни. В кн.: *Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Под ред. И.Т. Фролова. М., Республика*, с.467, 1995.
- Толстой Л.Н.** Понятие жизни. В кн.: *Русская философия: Конец XIX – начало XX века: Антология. Под ред. А.Л. Доброхотова. СПб., Книжная палата*, с.144, 1993.
- Толстой Л.Н.** Путь жизни. Полн. собр. соч. В 90 т. М., изд-во Худ.лит., т.45, с.57, 218, 1956б.
- Трубецкой Е.Н.** Миросозерцание Вл. Соловьева. В 2 т. М., Медиум, т.1, с.51-52, 1995.
- Шеллинг Ф.В.Г.** Иммануил Кант. Соч. В 2 т. М., Мысль, т.2, с.27-30, 1987.